

СКИФСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЦА V – IV ВВ. ДО Н. Э. СЕВЕРСКОДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Одной из важных проблем современного скифоведения является вопрос о присутствии кочевников на территории восточно-европейской Лесостепи и их взаимоотношения с местным земледельческим населением. Долгое время после конференции 1952 года в ИИМК АН СССР считалось общепринятым, что в лесостепной зоне жили нескифские племена, в то время как скифы занимали степи Северного Причерноморья (Граков, Мелюкова, 1954: 39-93; Погребова, 1954: 3-38). После московской конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1967 года окончательно оформилось и второе направление в разработке данной проблемы, основы которого были заложены еще М.И. Ростовцевым. Часть скифологов во главе с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской отстаивали идею единой Скифии и общей скифской культуры на юге Восточной Европы (Тереножкин, 1971: 17-18). Но большинство участников конференции критически отнеслось к данной концепции, оставшись при своих взглядах (Петренко, 1971: 5). Такое разобщение в среде ученых и отсутствие конструктивного диалога сыграли негативную роль, на долгое время затормозив прогресс в разработке данной проблематики.

Новый подход к изучению данного вопроса, который во многом снимал противоречия между крайними взглядами исследователей и являлся «золотой серединой», начал разрабатываться в 80-е годы XX века. Он был направлен на поиск критериев

выделения погребений кочевников в Лесостепи, выяснения динамики их проникновения в регион, а также установление характера взаимоотношения с аборигенным населением. Его родоначальником может считаться М.И. Ростовцев (Ростовцев, 1918: 76). Данное направление в два последних десятилетия прошлого века возродил и вывел на новый качественный уровень С.А. Скорый (Скорый, 1987: 36-49; 1997; 1999; 2003). Исследователь успешно применил его при изучении памятников Правобережной Лесостепи скифского времени (Скорый, 1999; 2003). Использование данного подхода при рассмотрении проблем этносоциального характера в истории населения Днепро-Донской Лесостепи в раннем железном веке показало его эффективность (Медведев, 1999: 124-126; Бессонова, 1999: 148-160; 2000: 116-131; Гречко, 2008).

В скифское время на территории северскодонецкой Лесостепи широкое распространение получил курганный обряд погребения. Захоронения под насыпями предскифского времени в регионе единичны, поэтому привнесение данной традиции справедливо связывать со скифами, которые проникли в Лесостепь в VII – первой половине VI вв. до н.э. Об этом красноречиво свидетельствуют захоронения в курганах Караванской группы Люботинского могильника с «переднеазиатскими импортами». Земледельческое население северскодонецкой Лесостепи скифского времени не являлось автохтонным и

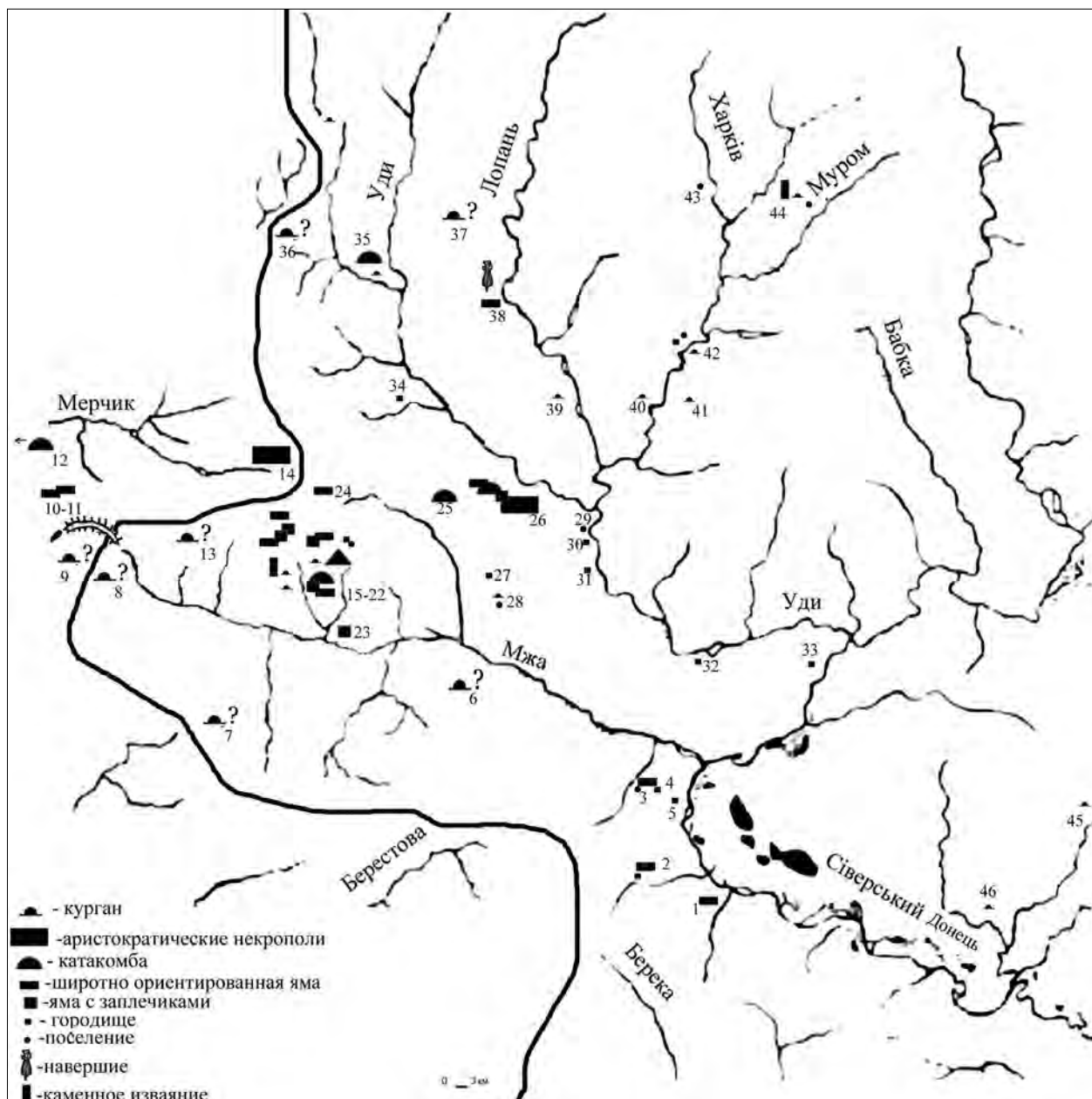

Рис. 1. Северскоднецкие памятники позднескифского времени.

1 – Сухая Гомольша, 2 – Большая Гомольша, 3 – Гришковка, 4 – Тарановка, 5 – Коробовы Хутора, 6 – Липковатовка, 7 – Манилы, 8 – Кантакузовка, 9 – Перекоп, 10-11 – Покровский и Настельный, 12 – Новый Мерчик, 13 – Роговка, 14 – Старый Мерчик, 15 – Соломаховка, 16 – Гиевка, 17 – Совнаркомовская, 18 – Круглик, 19 – Могилки, 20 – Одырка, 21 – Черемушная, 22 – Золочевское, 23 – Паньковка, 24 – Санжары, 25 – Коротич, 26 – Песочин, 27 – Яковлевка, 28 – Островерховка, 29 – Липовая Роша, 30 – Карачевка, 31 – Хорошево, 32 – Водяное, 33 – Мохнач, 34 – Закозаровка, 35 – Малая Рогозянка, Родной Край, 36-37 – Золочев, 38 – Дергачи, Семеновка, 39 – Залютино, 40 – Большая Даниловка, 41 – 524 м/р Харькова, 42 – Циркуны, 43 – Проходнянское-1, 44 – Вёселое, 45 – Волосская Балаклея, 46 – Балаклея.

появилось в регионе синхронно с подкурганскими захоронениями. Основные археологические характеристики указывают на то, что исходными районами миграции земледельцев могли быть бассейн Ворсклы и Правобережная Лесостепь. Курганный

обряд погребения у оседлого населения Лесостепного Правобережья не получил широкого распространения (Скорый, 2003: 64). В северскоднецкой Лесостепи, как и в указанном регионе, отсутствуют синхронные курганные могильники возле

поселений и большинства городищ VI–V вв. до н.э., что косвенно указывает на бескурганый обряд захоронения у земледельцев. Ярким примером может служить тот факт, что возле 13 поселений и Червонососовского городища VI–V вв. до н.э. в бассейне р. Ольховатка не зафиксировано ни одного курганного могильника, хотя район тщательно обследован (*Задников, Шрамко, 2003: 37-40*).

Концом VII – первой половиной VI вв. до н.э. в регионе датируется 33 захоронения (18%), которые представлены грунтовыми ямами и камерными погребениями в столбовых гробницах, ориентированных меридионально. Основная масса курганов раскопана на Люботинском могильнике и у с. Черемушная. Положение покойника головой на запад зафиксировано лишь в диагональном захоронении у с. Малая Рогозянка. В этот период могилы скифской аристократии сосредоточены в Посулье (*Ильинская, 1968*), а Северский Донец в это время представляется нам периферией лесостепного объединения под эгидой скифов.

Погребения второй половины VI в. до н.э., как и в других регионах юга Восточной Европы, единичны и не составляют каких-либо значительных серий. Новые «дружинные» некрополи появляются в регионе лишь в 80-70 годы V в. до н.э. (Протопоповка, Коротич). Единичные захоронения этого времени, вероятно, положили начало функционированию некоторых могильников (Песочин, Большая Гомольша). Всего зафиксировано 13 захоронений среднескифского времени (7%), которые ориентированы меридионально с небольшими отклонениями. Девять погребений совершено в грунтовых ямах, 4 – в камерных погребениях столбовой конструкции либо с канавкой по периметру дна могилы (1 случай). Данное явление мы склонны связывать с переносом места захоронения северскодонецкой верхушки из Посулья к местам проживания. Это может объясняться увеличением количества земледельческого населения в регионе – одного из источников богатства кочевников. Погребальные сооружения и ориентировка погребенных не отличаются от более ранних и генетически с ними связаны.

Ситуация кардинально меняется в последней четверти V в. до н.э. Позднескифским периодом датируется 139 погребений, что составляет 75% от общего числа захоронений. Основными типами погребальных сооружений были грунтовые ямы (70%) и камерные погребения столбовой конструкции (23%). Новыми для региона формами могил являются ямы с заплечиками (7 сооружений – 5%) и катакомбы (4 сооружения – 2%). Три раза зафиксированы отдельные могилы коней. Именно в конце V – IV вв. до н.э. в регионе появляются захоронения с широтной ориентировкой (14%).

Среди погребений северскодонецкой Лесостепи до последнего времени собственно погребений степных скифов не выделяли, а покойников, ориентированных широтно, соотносили с местным населением – меланхленами (*Шрамко, 1953*). В 60-е годы прошлого столетия П.Д. Либеров выделил вторую группу захоронений, ориентированных широтно, но со скифами ее не связывал. При этом исследователь отмечал, что преобладающее расположение могил у хуторов Покровский и Настельный в междуречье р. Мжи и Мерлы по линии СЗ-ЮВ, резко отличает их от погребений северскодонецкой группы. Важно отметить, что в курганах № 3 и 5 у хут. Покровского были найдены погребения лошадей (*Данилевич, 1908: 23-24*). Этот факт и ориентировка костяков позволило исследователю связать группу у хутора Покровский со степной погребальной традицией (*Либеров, 1962: 24-30*). А.А. Моруженко считала широтную ориентировку не характерной для Днепро-Донецкой Лесостепи (*Моруженко, 1989: 27, 31*).

В последние десятилетия источниковая база многократно увеличилась, а

Табл. 1

Ориентировка северскодонецких погребальных сооружений последней четверти V – IV вв. до н.э.

Ориентировка погребальных сооружений	Количество	%
Запад-восток	19	14
Север-юг	71	51
СВ-ЮЗ	30	21
СЗ-ЮВ	19	14
	139	100

оценка многих уже известных комплексов изменилась. А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов отмечали сложность вопроса о происхождении западной ориентировки в регионе (*Бандуровский, Буйнов, 2000: 42-43*). Широтно-ориентированные погребения напрямую связал со степными скифами Л.И. Бабенко, анализируя захоронения Песочинского могильника (*Бабенко, 2005: 187-188*). Относительно связи ямных захоронений с широтной ориентировкой со степняками у меня тогда возникли некоторые сомнения (*Гречко, 2006: 102*).

Ситуация изменилась после раскопок в 2006-2007 гг. курганов Гришковского могильника. В результате исследований были получены весомые аргументы в пользу степного происхождения погребений в узких прямоугольных ямах с широтной ориентировкой (*Гречко, 2007: 152-157*). За два полевых сезона удалось раскопать 13 курганов, которые содержали 18 захоронений. Погребальные сооружения представлены исключительно прямоугольными грунтовыми ямами, ориентированными широтно с отклонениями. Пять курганов содержали по два одновременных разнополюх захоронения в отдельных могилах. Лишь в погребении кургана № 22 в одной яме были погребены женщина и подросток. Остальные курганы содержали индивидуальные захоронения. По пять раз зафиксировано положение покойников головой на СЗ и ЮВ. Дважды женские костяки были положены черепами на восток. Полученные материалы позволяют предварительно отнести время функционирования Гришковского могильника к концу V – первой половине IV вв. до н. э. Широтная ориентировка могил и погребённых, наличие ровиков вокруг курганов, обычай втыкать оружие в дно могилы (рис. 2, 3), наличие мясной пищи и ножа с костяной рукояткой являются скифскими чертами погребальной обрядности (*Ольховский, 1978: 96-97; Скорый, 2003: 46*). Данные характеристики позволяют предположить принадлежность захоронений Гришковского могильника степным скифам, которые проникли на территорию южной окраины Лесостепи в конце V – первой половине IV вв. до н.э. Это заставило пересмотреть свой взгляд на

данную группу захоронений и, учитывая новые данные, заново проанализировать позднескифские погребения северскодонецкой группы. Результаты показали, что широтноориентированные захоронения хотя и были распространены на всей территории региона, но далеко не равномерно.

Большинство погребений расположено вблизи или в составе могильников местной аристократии, которая производила свои захоронения в меридионально ориентированных камерных могилах (Песочинский и Большегомольшанский могильники, несколько отдельных групп в непосредственной близости от Старого Мерчика). Можно условно выделить три основных места концентрации рассматриваемых могильников, которые тяготеют к водоразделу, по которому в средневековье проходил Муравский Шлях (рис. 1).

Южная группа захоронений расположена в предстепи вблизи известного Большегомольшанского могильника. В 1949 году С.А. Семеновым-Зусером было исследовано три кургана в данном некрополе, под двумя из которых располагались широтно ориентированные захоронения (курган № 1, 2) (*Семенов-Зусер, 1949: 3-9*). Новые исследования в 1967-1969 гг. подобных погребений не выявили, а исследованные могилы представлены меридиональными могилами и камерным захоронением с дромосом (*Шрамко, 1983: 54*). Неподалеку расположен и уже упомянутый Гришковский могильник, а в курган срубной культуры на территории раннесредневекового Сухогомольшанского городища было введено 4 захоронения позднескифского времени (рис. 2, 1). Двое погребённых (№ 11 и 12) были ориентированы головой на запад, один – на юг (№ 13) и один – на северо-восток (№ 9). Инвентарь представлен только бронзовыми наконечниками стрел. Контуры ям и перекрытия не прослеживались (*Буйнов, Михеев, 1988: 88, рис. 1*). Кроме того, на левом берегу Северского Донца, несколько южнее, зафиксировано 2 впускных захоронения позднескифского времени (Балаклея, Волосская Балаклея) (*Клименко, 1997: 101-107; Шрамко, 1983: 60*).

Вторая группа некрополей расположена вблизи Старомерчанских могильников

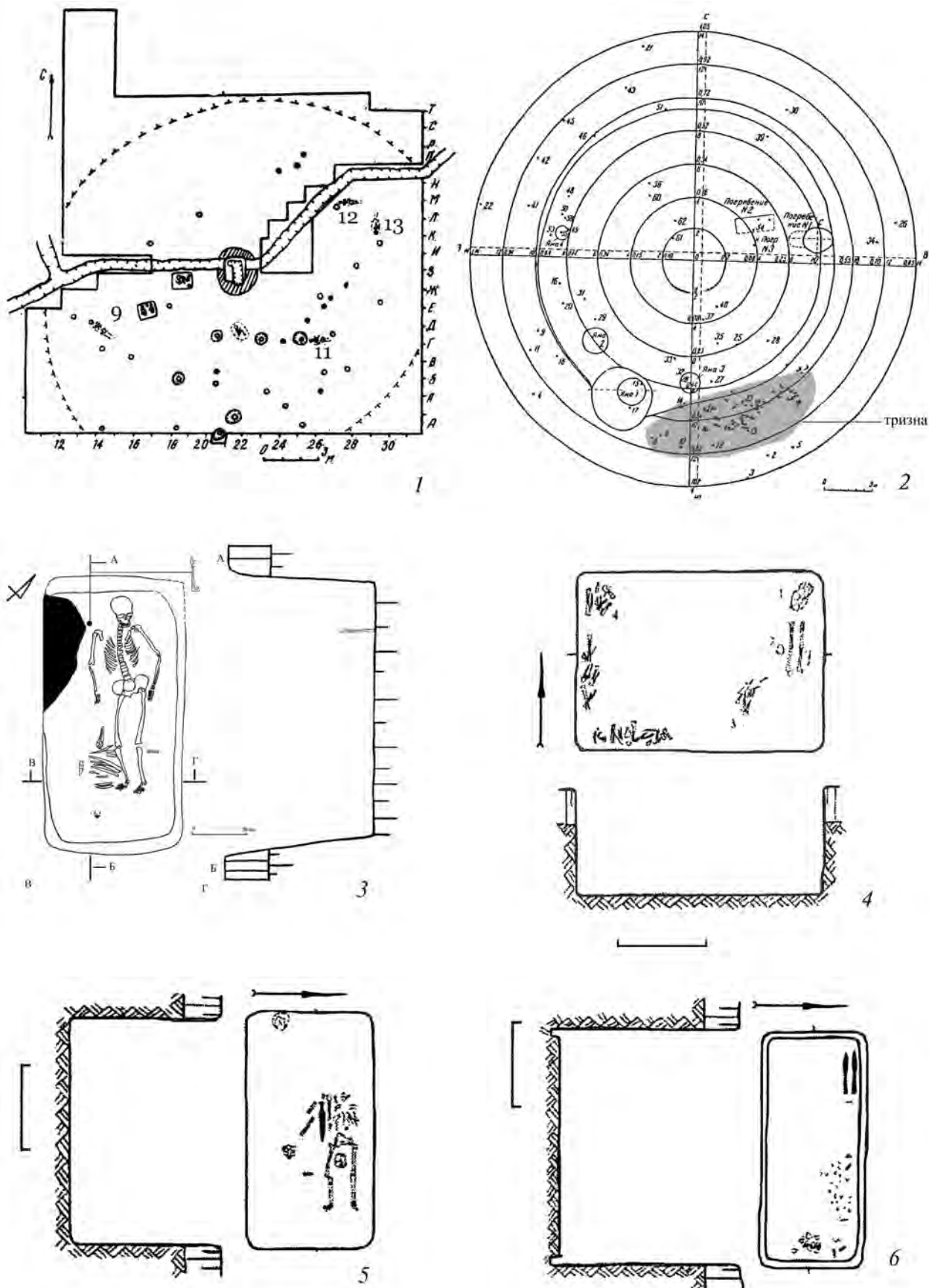

Рис. 2.
1 – Сухая Гомольша; 2 – Черемушная, курган-зольник № 1; 3 – Гришковка, курган № 26/2; 4 – Песочин, курган № 10; 5 - Песочин, курган № 20; 6 - Песочин, курган № 16 (по: Ю.В. Буйнов и В.К. Михеев, 1988; П.Д. Либеров, 1962; Д.С. Гречко, 2006; Л.И. Бабенко, 2005).

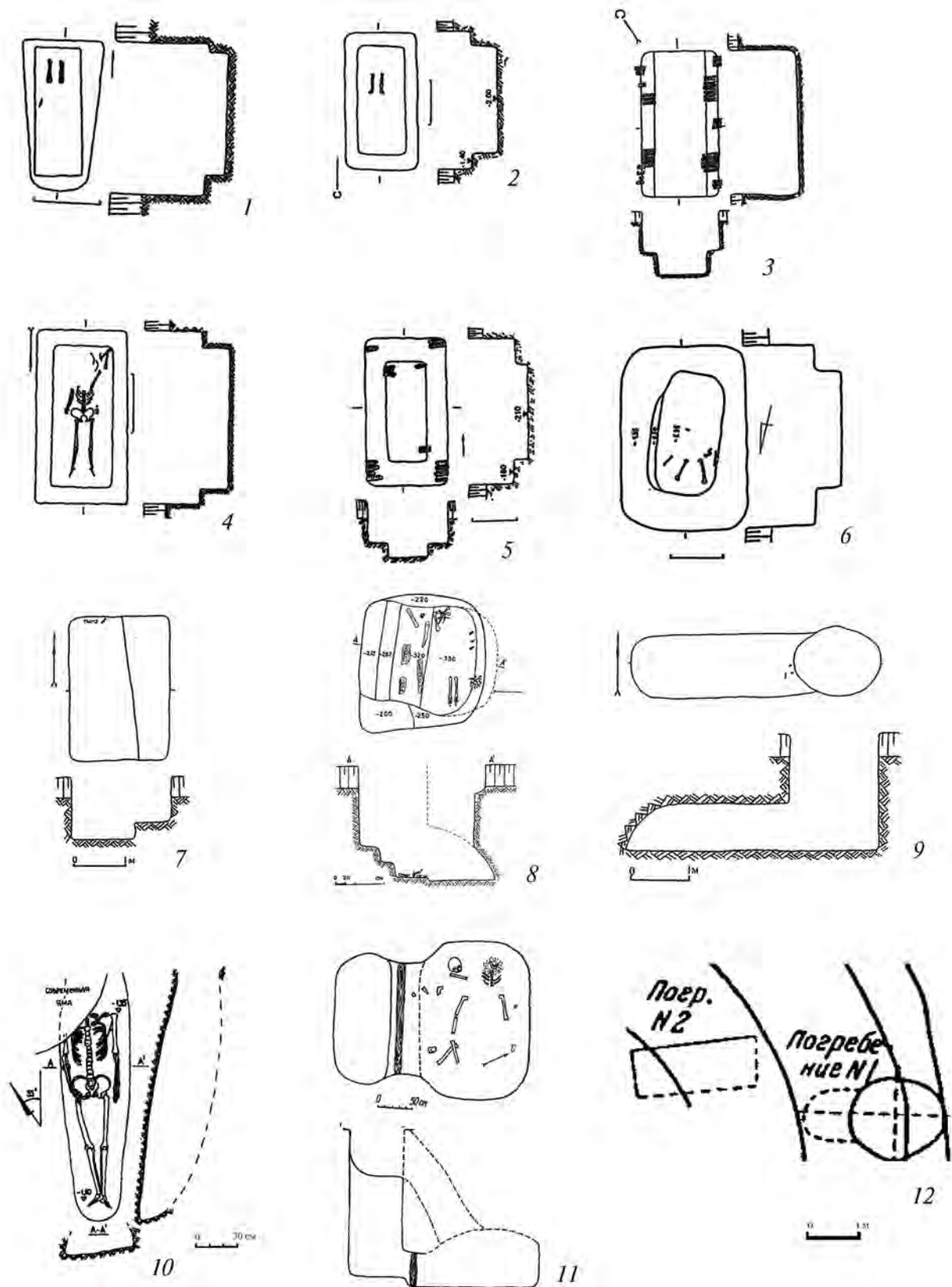

Рис. 3.

1 – Паньковка, курган № 1; 2 – Гиёвка, нижнегийовская группа, курган № 2; 3 – ур. Соломаховка, курган № 18; 4 – Быстрое-2, курган № 1; 5 – Гиёвка, нижнегийовская группа, курган № 1; 6 – Черемушная, курган № 12; 7 – Песочин, курган № 26; 8 – Родной Край; 9 – Песочин, курган № 28; 10 – Коротич; 11 – Новый Мерчик; 12 – Черемушная, курган-зольник № 1 (по: А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов, 2000; Ю.В. Буйнов, 2002; Л.И. Бабенко; В.С. Аксенов и Л.И. Бабенко, 2007; Б.А. Шрамко и Ю.Н. Бойко, 1988; П.Д. Либеров, 1962).

и городища у хут. Городище (*Бандуровский, Буйнов, 2000: приложение 1; Буйнов, 2002: 4-5*). Широкие захоронения раскопаны в могильниках Соломаховка (СЗ-ЮВ – 2 могилы), Верхнегиевская группа (СЗ-ЮВ – 1 могила), Совнаркомовская (СЗ-ЮВ – 1 могила), Санжары (З-В – 1 могила), Черемушная (З-В – 1 могила, СЗ-ЮВ – 1 могила, катакомба – 1). Интересно, что 2 позднескифских захоронения, впущенные в курган-зольник № 1 у с. Черемушная, кроме досыпки, сопровождались и тризной с южной стороны насыпи (многочисленные кости двух лошадей, фрагменты амфор и детали конской узды), которую П.Д. Либеров не отметил (рис. 2, 2; 3, 12) (*Либеров, 1962: 81-82, рис. 22*).

К тому же, в этой группе в 5 могильниках (Соломаховка, Нижнегийовская группа (2 могилы), Быстрое-2, Паньковка, Черемушная) зафиксировано 6 погребений в ямах с заплечиками, которые ориентированы меридионально (рис. 3, 1-6). Данный тип погребальных сооружений находит аналогии в степях Северного Причерноморья (варианты 3-5 первого типа, по В.С. Ольховскому) (*Ольховский, 1991: 21-22*).

Третья группа включает в себя некоторые погребения Песочинского могильника и катакомбу у с. Коротич (рис. 3, 10) (*Бабенко, 2005: 187-188; Аксенов, Бабенко, 2007: 72-74*). Интересующие нас песочинские погребения представлены 3 широко ориентированными грунтовыми ямами, катакомбой и ямой со ступенькой (рис. 2, 4-6; 3, 7, 9). Севернее данной группы погребения степного облика (могилы ориентированы по линии запад-восток) зафиксированы в могильнике у г. Дергачи (*Трефильев, 1908: 102-103*). Вблизи данного некрополя у с. Семеновка случайно найдено навершие погребального кортежа, которое имеет прямые аналогии в степи (*Бабенко, 1998: 25-28*).

Кроме того, широко ориентированные могилы были зафиксированы на северной окраине г. Харьков (рис. 4, 1-2) (*Бородулин, 1978: 301-302*), в могильнике у с. Веселое (рис. 4, 6-7) (*Шрамко, 1992: 112-119*), катакомбы у с. Родной Край (рис. 3, 8) (*Буйнов, 1990: 139-142*), Новый Мерчик (рис. 3, 11) (*Шрамко, Бойко, 1988: 102-103*), курганные группы у Перекопского вала (Покровский

и Настельный) (*Багалея, 1907: 369-378; Данилевич, 1908*).

Таким образом, исследованиям подвергались 27 северскодонецких некрополя, 2 могильника на западной окраине Харьковщины (бассейн Ворсклы), было раскопано 7 одиночных погребений в разных точках региона. К сожалению, следует отметить, что ни один могильник не был раскопан полностью. Результаты многолетних разведок позволяют выделить несколько перспективных некрополей, которые до сих пор не исследовались и могут повлиять на общую картину. Это курганные группы у сел Кантакузовка, Перекоп и Роговка вблизи Перекопского вала, у сел Липковатовка и Манилы, а также значительное число курганов и целых могильников вокруг г. Золочев (рис. 1). Тем не менее, накопившиеся данные позволяют нам подвести некоторые итоги и поставить несколько вопросов.

Следует подчеркнуть, что большинство вышеупомянутых захоронений были ограблены, поэтому количество датирующего материала невелико. В основном это наконечники стрел, которые позволяют относить сооружение курганов к позднескифскому времени. Более узко можно датировать несколько захоронений. К концу V – первой половине IV вв. до н.э. относится Гришковский могильник, курганы № 2 и 3 в 524 микрорайоне Харькова, курганы № 10, 16 Песочинского могильника, катакомба в с. Коротич и разрушенное погребение у Волосской Балаклейки. Курган № 2 у Большой Гомольши и курган № 20 Песочинского некрополя можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н.э.

подавляющее большинство широко ориентированных захоронений принадлежало свободным общинникам. Лишь в кургане № 1 группы II у с. Малая Рогозянка (рис. 4, 4) и в кургане № 21 Песочинского могильника находились погребения слуг. В первом случае покойник лежал головой на запад в узкой и мелкой яме, которая была перпендикулярна основному склепу, под общим с ним перекрытием (*Буйнов, 1990: с. 140-141*). В Песочинском кургане № 21 слуга-подросток лежал в ногах основного погребенного (*Бабенко, 2005:*

27). В трех случаях западная ориентировка отмечена в катакомбах (Новый Мерчик, Песочин, Родной Край). Погребения рядовых общинников относятся к модели 2, выделенной Е.П. Бунятян при анализе рядовых скифских захоронений (*Бунятян, 1985: 94-95*). Следует подчеркнуть, что ни одного элитного захоронения среди упомянутых комплексов не было. Аристократические погребения позднескифского времени в регионе производились исключительно в камерных могилах столбовой конструкции с облицовкой деревом стен, которые в значительном количестве присутствуют в Днепро-Донецкой Лесостепи с раннескифского времени. Это позволяет говорить о стабильности этнической составляющей местной верхушки на протяжении скифского времени. В то же время, появление погребений степного облика может быть объяснено только появлением нового населения в регионе. Погребения с широтной ориентировкой среднескифского времени в Левобережной Лесостепи массово зафиксированы лишь в Купьевахском могильнике (*Бойко, Берестнев, 2001: 50*). Прародина мигрантов, судя по количеству широтноориентированных погребений в ямах, возможно, находилась до последней четверти V в. до н.э. в степях Северного Причерноморья (*Ольховский, 1991: 17, табл. 3-4*), в Днепровском лесостепном Правобережье (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 40, табл. 7*), на Нижнем Дону (*Коваленко, 2008: 55*). Причиной миграции могло быть появление новой волны кочевого населения в степях юга Восточной Европы (*Виноградов, Марченко, 1991: 149-150*). На это указывает появление в последней трети V в. до н.э. значительного числа аристократических захоронений в катакомбах в степи, чего ранее не фиксировалось (Малая Цымбалка, Гладковщина, курган 2/ 2 у с. Корнеевка, IV и VII Испановы Могилы, Чабанцова Могила, Малый Чертомлык и первый «царский» курган – Солоха).

Процесс массового проникновения нового населения в конце V в. до н.э., хоронившего своих покойников в широтноориентированных ямах, отмечается в лесостепном Побужье, Днепровской Правобережной Лесостепи и Приднепровской

террасовой Лесостепи (*Бессонова, 1994: 11-12, 29; Фиалко, 1994: 21; Скорый, 2003: 84-85*). Проникновение данного населения на Нижний Днестр исследователи напрямую связали с его вытеснением из Северного Причерноморья носителями катакомбного обряда погребения (*Кетрару, Четвертиков, 2005: 188, 192; Синика, 2007: 23-24*).

В VI – первой половине V вв. до н.э. присутствие кочевников в регионе не мешало развиваться поселенческой структуре земледельцев. Вероятно, ситуация принципиально меняется, начиная с конца V в. до н.э. Ярким индикатором массового появления новых кочевников в регионе является резкое сокращение количества поселений и городищ. В северскодонецкой Лесостепи жизнь надежно фиксируется всего на нескольких памятниках. Укрепления в ур. Городище и Коробовы Хутора наиболее активно функционируют в V – IV вв. до н.э., но, судя по планировке и находкам, они, вероятно, использовались местными полукочевниками как зимовники. В позднескифское время возникает ряд городищ-убежищ, которые не имеют культурного слоя (Мохнач, Водяное, Донецкое, Хорошевское, Яковлевское, Чернецкий Яр, Закозаровское (?)). Исследования свидетельствуют о практически полном прекращении использования городищ у с. Полковая Никитовка, Люботинского, Червоносовского и Караванского. Лишь Циркуновское городище, расположенное на северо-восточной окраине группы, активно используется земледельческим населением (*Гречко, 2006а: 148-150*). В этот период прекращают свое функционирование практически все поселения со значительным количеством мощных зольников. К позднескифскому времени происходит некоторое изживание традиции сооружения зольников, которое выразилось не только в уменьшении их размеров, но и, что немало важно, в значительном уменьшении содержания золы в культурном слое (поселение Острроверховка и Проходнянское I) (*Гречко, 2006б: 279*). Данные памятники расположены на северо-восточной окраине группы, что, вероятно, указывает на перемещение основной массы земледельцев от Муравского Шляха в северном направлении.

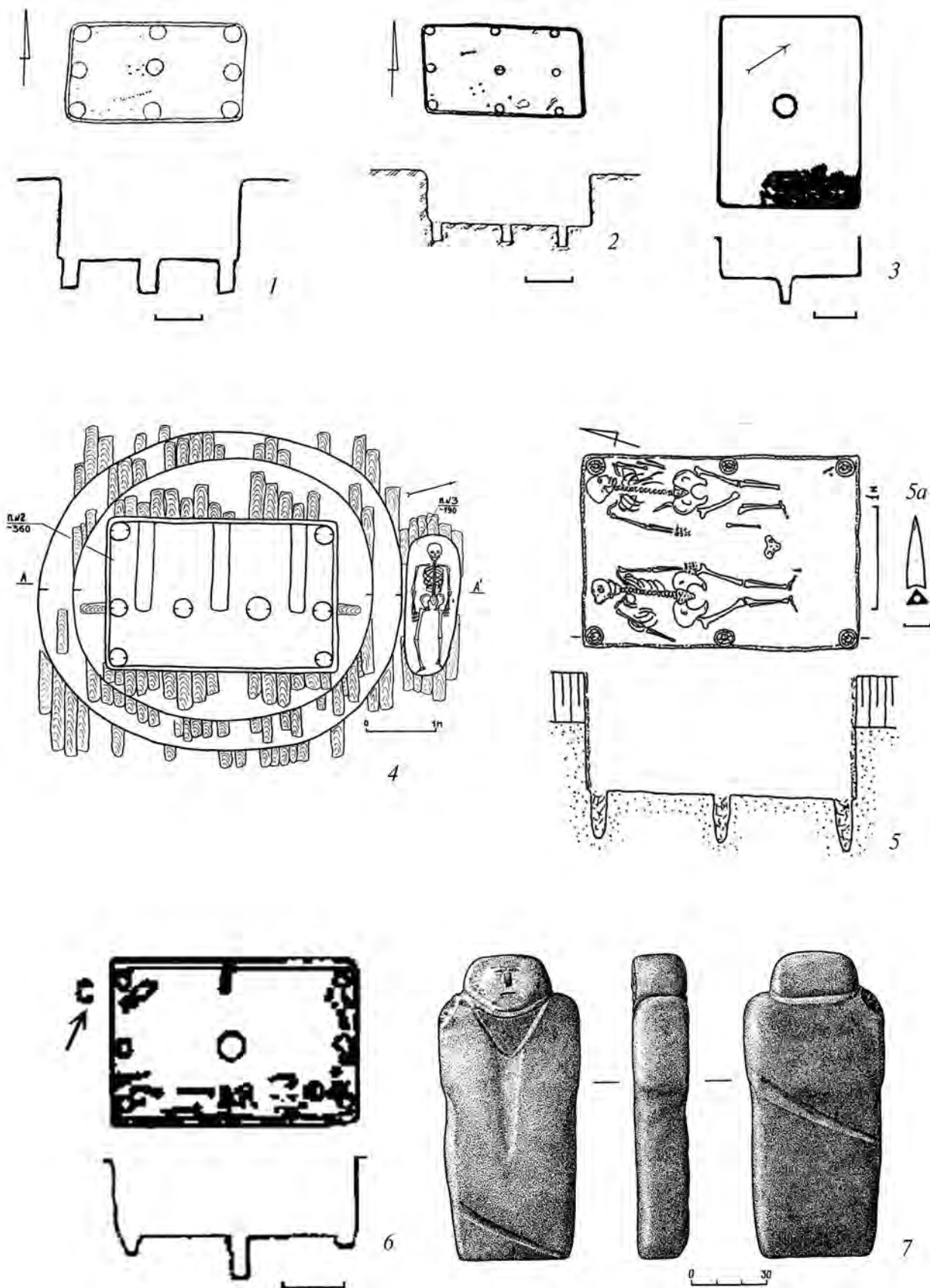

Рис. 4.

1-2 – Харьков, 524 м/р, курган № 2-3; 3 – Веселое, курган № 6; 4 – Малая Рогозянка, группа 2, курган № 1, погребения № 2-3; 5 – Черемушная, курган № 16; 5а – единственная находка в неграбленном парном захоронении; 6-7 – Веселое, курган № 5 (по: В.Г. Бородулин, 1977; Б.А. Шрамко, 1992; А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов, 2000; Ю.В. Буйнов, 2002; В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов, 1994).

Практически идентичную картину мы наблюдаем в Днепровском лесостепном Правобережье в конце среднескифского периода: уменьшение количества поселений и городищ и увеличение количества курганных могильников (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 25-26, 41; Скорый, 2003: 62, 83-85*). В данном регионе находят аналогии и широтно ориентированные ямы, катакомбы, наличие нескольких синхронных захоронений под одной насыпью (*Скорый, 2003: 110-120, табл. 4; Петренко, 1961: 63-65, 80-83*).

Существенное увеличение количества населения в позднескифское время происходит во всех регионах Степи и Лесостепи Восточной Европы, кроме Нижнего Дона. Все это может свидетельствовать, скорее, о приходе новой орды номадов в Северное Причерноморье (*Виноградов, Марченко, 1991: 149-150*), чем о демографическом взрыве в Степи (*Скорый, 2003: 84*). Впрочем, нельзя исключать и совмещения данных факторов. Истребления скифов, которые появились в Лесостепи в раннескифское время, не было, о чем свидетельствует сохранение их погребальных традиций. Наоборот можно говорить о какой-то форме союзнических отношений со степняками для проведения совместных военных акций, контроля над торговыми путями и земледельческим населением. Об участии лесостепных скифов в войнах говорит синхронный рост богатства их верхушки (*Бабенко, 2005: 202*), а также их продвижение на Нижний Днестр из Днепровского лесостепного Правобережья (*Кетрару, Четвертиков, 2005: 186*), вероятно, для участия в военных действиях в Добрудже. Не исключено участие дружин из

Лесостепи для подавления сопротивления Феодосии при Левконе I, поскольку в IV в. до н.э. фиксируется значительное количество боспорских изделий в погребениях знати (*Бандуровский, Буйнов, 2000: 65-68, 93-107*). Возможно, это все свидетельства благодарности Боспора за помощь.

Инкорпорирование северскодонецких дружин в единую этнополитическую структуру со степняками привело к ощущению «южному» влиянию на погребальный обряд и нивелировке различий материальных культур. Косвенно подтверждается мнение исследователей о том, что находки изделий типа старомерчанского кубка и песочинского головного убора за пределами Степи свидетельствуют о попытках (весьма успешных, судя по нашим рассуждениям) скифов консолидировать близкие этнические группы с различными политическими целями (*Алексеев, 1987: 47; Гуляев, 2000: 148-151*).

Таким образом, современная источниковая база позволяет ставить вопрос о вхождении территории северскодонецкой Лесостепи в состав северопричерноморской Скифии, начиная с последней четверти V в. до н.э. При этом лесостепные роды скифов («старых», «скифов первых двух волн», «ранних») сохранили свою власть в регионе. Союзные отношения со степняками, вероятно, строились на взаимовыгодных условиях, хотя нельзя исключать и доминирование Степи, учитывая большую военную мощь и исторические параллели, поскольку все крупные военнополитические объединения номадов возникали в результате покорения одних групп кочевого населения другими.

Литература

Аксёнов, Бабенко, 2007 – Аксёнов В.С., Бабенко Л.И. Поховання IV ст. до н. е. поблизу смт. Коротич // АДУ 2005-2007. К.-Запоріжжя, 2007.

Алексеев, 1987 – Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры // АСГЭ. 1987. Вып. 28.

Бабенко, 1998 – Бабенко Л.И. Скифское бронзовое навершие из собрания Харьковского исторического музея // ВХУ. 1998. Вип. 30.

Бабенко, 2005 – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Багалеи, 1907 – Багалеи Д.И. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. Т. 1.

Бандуровский, Буйнов, 2000 – Бандуровский В.А., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). К., 2000.

- Бессонова, 1994* – Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. К., 1994.
- Бессонова, 1999* – Бессонова С.С. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. 1999. № 1.
- Бессонова, 2000* – Бессонова С.С. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія. 2000. № 2.
- Бородулин, 1978* – Бородулин В.Г. Исследования Харьковского исторического музея // АО 1977 года. М., 1978.
- Буйнов, 1990* – Буйнов Ю.В. Охранные раскопки курганов скифского периода на Харьковщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
- Буйнов, 2002* – Буйнов Ю.В. Отчет о раскопках памятников скифского периода в Валковском районе Харьковской области в 2002 году // НА ІА НАНУ. 2002/ 134.
- Буйнов, Михеев, 1988* – Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // ВХУ. 1988. Вип. 23.
- Бунятян, 1985* – Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. К., 1985.
- Виноградов, Марченко, 1991* – Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации // СА. 1991. № 3.
- Граков, Мелюкова, 1954* – Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954.
- Гречко, 2006* – Гречко Д.С. Рецензія на кн.: Бабенко Л.И. «Песочинский курганный могильник скифского времени» // Археологія. 2006. № 3.
- Гречко, 2006а* – Гречко Д.С. Исследования памятников скифского времени у сел Протопоповка и Циркуны на Харьковщине // АДУ 2004-2005. К.-Запоріжжя, 2006.
- Гречко, 2006б* – Гречко Д.С. К вопросу о функциональном назначении зольников северскодонецкой группы памятников скифского времени // ВХУ. 2006. Вип. 38.
- Гречко, 2007* – Гречко Д.С. Раскопки курганного могильника скифского времени у с. Гришковка на Харьковщине // АДУ в 2005-2007 гг. К.-Запоріжжя, 2007.
- Гречко, 2008* – Гречко Д.С. Сіверськодонецька група пам'яток Лісостепу Східної Європи скіфської доби. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 2008.
- Гуляев, 2000* – Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М, 2000.
- Данилевич, 1908* – Данилевич В.Е. Раскопки курганов около хутора Покровського, Валковського узда Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIII археологического съезда. М., 1908. Вып. 2.
- Задников, Шрамко, 2003* – Задников С.А., Шрамко И.Б. Памятники скифского времени в бассейне реки Ольховатка // Проблеми історії та археології України. Харьков, 2003.
- Ильинская, 1968* – Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). К., 1968.
- Кетрару, Четвертиков, 2005* – Кетрару Н.А., Четвертиков И.А. Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.) // Stratum+. 2003-2004. № 3.
- Клименко, 1997* – Клименко В.Ф. Курганные древности Северского Донца. Енакиево, 1997.
- Коваленко, 2008* – Коваленко А.Н. Погребальные комплексы второй половины IV в. до н.э. Елизаветинского могильника // РА. 2008. № 1.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.
- Либеров, 1962* – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113.
- Медведев, 1999* – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.
- Моруженко, 1989* – Моруженко А.А. Историко-культурная общность племён междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4.
- Ольховский, 1978* – Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
- Ольховский, 1991* – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991.
- Петренко, 1961* – Петренко В.Г. Культура племён Правобережного Среднего Поднепровья в IV - III вв. до н. э. // МИА. 1961. № 96.
- Петренко, 1971* – Петренко В.Г. Задачи и тематика конференции // ПСА. М., 1971.
- Бойко, Берестнев, 2001* – Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Погребова, 1954* – Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии в конференции ИИМК АН СССР в 1952 году // ВССА. М., 1954.
- Ростовцев, 1918* – Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.

Семенов-Зусер, 1949 – Семенов-Зусер С.А. Археологические раскопки на территории с. Большая Гомольша в 1949 году // НА ІА НАНУ. 1949/ 40 .

Синика, 2007 – Синика В.С. Погребальные комплексы скифской культуры конца VII – начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Скорый, 1987 – Скорый С.А. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя // Археологія. 1987. № 60.

Скорый, 1997 – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К., 1997.

Скорый, 1999 – Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. К.-Полтава, 1999.

Скорый, 2003 – Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). К., 2003.

Тереножкин, 1971 – Тереножкин А.И. Скифская культура // ПСА. М., 1971.

Трефильев, 1908 – Трефильев Е.П. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г. // Труды XIII археологического съезда. М., 1908. Т. 2.

Фиалко, 1994 – Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. К., 1994.

Шрамко, 1953 – Шрамко Б.А. Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1953.

Шрамко, 1983 – Шрамко Б.А. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. 1983. № 43.

Шрамко, Бойко, 1988 – Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерла // ВХУ. 1988. Вип. 22.

Шрамко, 1992 – Шрамко Б.А. Курганы у с. Весёлое в Харьковской области // ВХУ. 1992. Вип. 25.